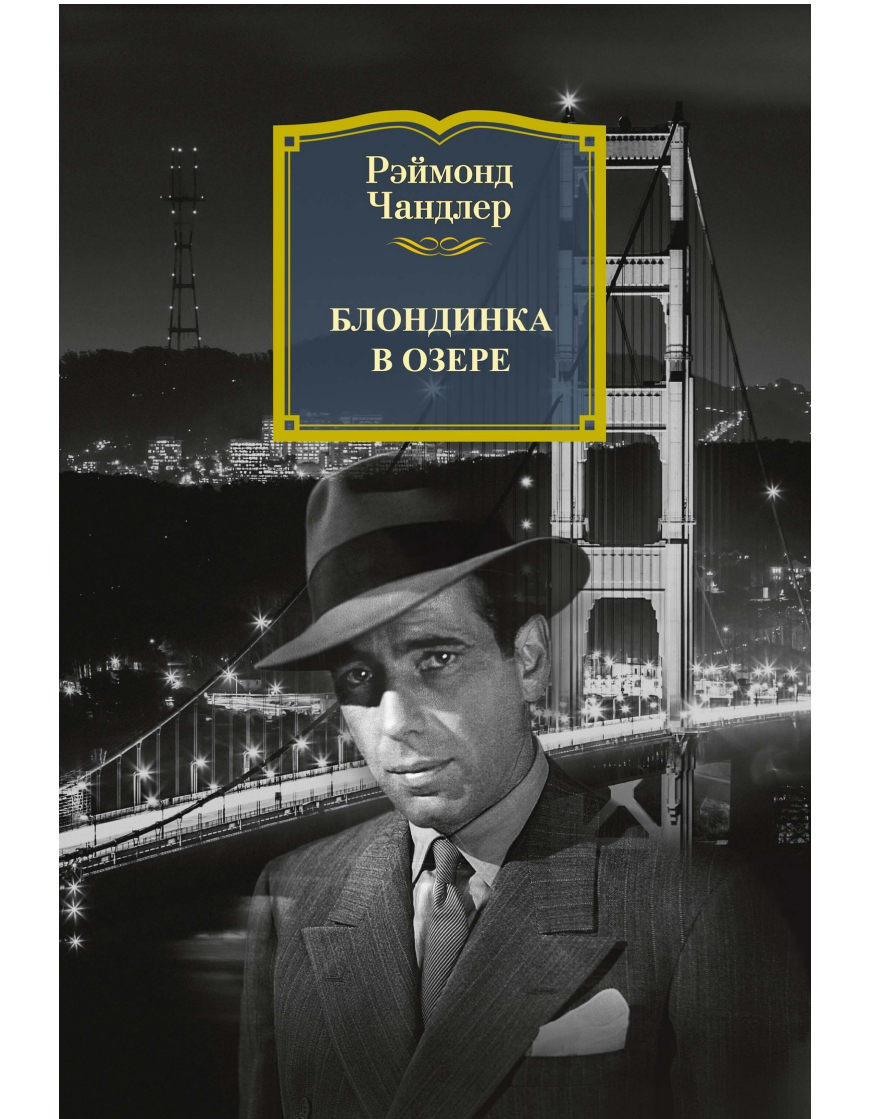

Рэймонд
Чандлер

БЛОНДИНКА
В ОЗЕРЕ

Рэймонд Чандлер

Блондинка в озере

Серия «Филип Марлоу», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118674

*Р. Чандлер. Блондинка в озере: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Москва; 2019
ISBN 978-5-389-16942-5*

Аннотация

Книги Рэймонда Чандлера о Филипе Марлоу не только заложили основы жанра «крутого» детектива, но и стали современной классикой в самом широком смысле. «Рэймонд Чандлер – оригинальнейший стилист, а его герой Филип Марлоу бессмертен, как Шерлок Холмс», – писал маститый Энтони Бёрджесс. Марлоу представляет собой новый тип детективного героя: он романтик, сентиментальный рыцарь, всегда сохраняющий свою индивидуальность и соблюдающий кодекс чести. Он не ищет приключений – они сами его находят, причем сюжет, изобилующий фирменными головокружительными хитросплетениями, начинается, как правило, довольно невинно. Так в «Блондинке в озере» директор крупной парфюмерной компании поручает Марлоу найти сбежавшую из загородного дома жену.

На сюжеты Чандлера поставлены несколько эталонных фильмов-нуар, и для многих образ Марлоу прочно ассоциируется с личностью Хамфри Богарта. «Блондинку в озере» экранизировал в 1946 г. Роберт Монтгомери, сам же исполнивший главную роль, и это был один из первых фильмов в мировом кинематографе, от начала до конца снятый субъективной камерой. Экранизация «Сестрички» с Джеймсом Гарнером в главной роли вышла в 1969 г. под названием «Марлоу»; именно эта картина Пола Богарта впервые познакомила американских зрителей с Брюсом Ли. «Долгое прощание» перенес на экран в 1973 г. Роберт Олтмен; главную роль исполнил Эллиот Гулд, а сценарий написала Ли Брэкетт, совместно с Уильямом Фолкнером работавшая над сценарием «Вечного сна» – классической экранизации первого романа о Марлоу, снятой Говардом Хоуксом в 1946 г.

Содержание

1	6
2	12
3	24
4	33
5	43
6	55
7	64
8	69
9	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Рэймонд Чандлер

Блондинка в озере

Raymond Chandler

The Lady In The Lake

Copyright © 1943 by Raymond Chandler

Copyright renewed 1971 by Mrs Helga Greene

© М. М. Зинде (наследник), перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

Трилоу-билдинг стоял, и стоит до сих пор, на Олив-стрит, в западной части города, неподалеку от Шестой улицы. Тро-туар перед ним был вымощен черными и белыми каучуковыми плитами. Сейчас их выворачивали для военных нужд, и похожий на управителя человек, бледный, без шляпы, смотрел на рабочих с тоской в глазах.

Миновав его, а затем пассаж с фирменными магазинчиками, я очутился в большом черном с золотом вестибюле. Фирма «Гиллерлейн» находилась на седьмом этаже, окнами по фасаду, за двойными вращающимися дверьми из темного стекла и алюминия. Приемную устилали китайские ковры, вдоль тускло-серебристых стен темнела прямоугольная стильная мебель, поблескивали изломами абстрактные скульптуры на подставках, а в углу красовалась большая треугольная витрина с образцами продукции. На ярусах, ступеньках, островках и архипелагах сверкающих зеркал стояла масса изысканных пузырьков и коробочек всевозможных форм и размеров. Крем, пудра, мыло, одеколон – на любое время года, на любой случай. Там были духи в длинных тонких флаконах, готовых опрокинуться от одного дыхания, были духи в маленьких, нежных оттенках фиалах, повязанных атласными бантами, как девочки в танцевальном классе. Но гордостью и украшением коллекции, видимо, считалось

нечто в простом, янтарного цвета, приплюснутом флакончике. Его расположили в центре, отдельно, на уровне глаз, и рекламировали как «Жемчужину Гиллерлейнов. Королеву благовоний». Спешите купить! Одна капелька в ямочку на щеке, и на вас прольется золотой дождь успеха.

В дальнем углу приемной у небольшого коммутатора дежурила ладная блондиночка, защищенная от опасных посягательств перильцами, а перед дверьми сидела высокая стройная красотка. Звали ее, судя по чеканной табличке на столе, Адрианой Фромсет.

На мисс Фромсет был строгий, стального цвета костюм и темно-синяя рубашка с мужским галстуком чуть посветлее. Краями платочка в нагрудном кармане, казалось, можно порезаться. На запястье поблескивало единственное украшение – узорчатый браслет. Черные волосы, разделенные прямым пробором, падали на плечи с хорошо продуманной небрежностью. Кожа была гладкая, смугловатая, брови резкие, а большие темные глаза, видимо, умели и теплеть – само собой, в подходящее время и при подходящих обстоятельствах.

Я протянул ей свою визитную карточку – скромный вариант, без маленького пистолета, оттиснутого в уголке, – и спросил, нельзя ли увидаться с мистером Дерасом Кингсли.

Она взглянула на карточку:

– Вы с ним договорились?

– Нет.

– Без предварительной договоренности попасть к мистеру Кингсли практически невозможно.

Крыть мне было нечем.

– А по какому вы делу, мистер Марлоу?

– По личному.

– Мистер Кингсли вас знает?

– Не думаю. Хотя имя, возможно, и слышал. Скажите ему, что я от лейтенанта Макджи.

– А с этим лейтенантом мистер Кингсли знаком?

Она бросила мою карточку рядом с кипой бланков для деловых писем с только что отпечатанными шапками, откинулась на спинку стула и, вытянув руку, тихонько забарабанила по столу золотым карандашиком.

Я ухмыльнулся. Блондинка за коммутатором наострила похожие на раковины ушки и нерешительно улыбнулась. Она выглядела игривой, кокетливой, но не совсем уверенной в себе, словно котенок, попавший в дом, где котят не жалуют.

– Надеюсь, что знаком, – ответил я. – Но, может, лучше спросить его самого?

Чтобы не швырнуть в меня подставкой для авторучек, мисс Фромсет заставила себя быстро проставить номера на трех письмах, а потом, не поднимая глаз, сказала:

– У мистера Кингсли сейчас совещание. Визитную карточку я ему передам при первой же возможности.

Я поблагодарил и подошел к креслу из кожи и хромированного металла. Оно было куда удобнее, чем казалось на

первый взгляд. Время потянулось в густой тишине. Никто не входил и не выходил. Изящные руки мисс Фромсет порхали над бумагами, слегка пощелкивали переключатели коммутатора, да временами блондинка за перильцами что-то приглушенно мяукала в трубку.

Закурив, я подтянул к себе по полу большую пепельницу. Минуты на цыпочках засеменяли одна за другой. Я как следует осмотрел приемную. По обстановке конторы о делах фирмы ничего не скажешь. Она могла ворочать миллионнами, но не исключено, что сейф в заднем помещении уже опечатал судебный исполнитель.

Три-четыре сигареты спустя дверь за спиной мисс Фромсет распахнулась, и из нее, пятясь задом и хохоча, вышли два человека. Третий придержал им дверь и тоже за компанию хохотнул. Гости сердечно пожали ему руку и ушли. Третий стер с лица улыбку и стал похож на человека, который вообще никогда не улыбается. Он был высокий, в сером костюме и чертовски деловой.

– Кто-нибудь заходил? – спросил он резким начальственным тоном.

– Вас ждет некий мистер Марлоу. От лейтенанта Макджи. По личному делу, – приветливо отозвалась мисс Фромсет.

– Знать не знаю такого! – рявкнул высокий.

Он взял визитную карточку и, даже не взглянув на меня, вернулся в кабинет. Пневматическая дверь закрылась за ним, издав нечто похожее на презрительное «фи». Мисс

Фромсет одарила меня милой, печальной улыбкой. В ответ я ей цинично подмигнул и сунул в губы еще одну сигарету. Время снова потянулось в полной тишине. Фирма «Гиллерлейн» начинала мне нравиться.

Минут через десять внутренняя дверь отворилась, хозяин появился снова, уже в шляпе, и процедил, что идет к парикмахеру. Размашистым спортивным шагом он направился по китайскому ковру к дверям, но на полпути заложил резкий вираж к моему креслу и рывкнул:

– Вы ко мне?

Мистер Кингсли был выше шести футов и довольно крепкий. Глаза серые, тяжелые, с холодным блеском. Серый, спортивного кроя костюм в тонкую белую полоску сидел на нем элегантно. И всем своим видом Кингсли давал вам понять, что на мякине его не проведешь.

Я встал:

– К вам, если вы, конечно, мистер Дерас Кингсли.

– А вы думали кто?

Я оставил последние слова без внимания и протянул ему другую карточку, где была обозначена моя профессия. Он зажал ее в лапе и, хмурясь, прочел.

– А кто такой Макджи? – резко спросил он.

– Да так, мой приятель.

– Восхитительно. Я польщен. – И он оглянулся на мисс Фромсет; той его сарказм пришелся по душе; она была просто в восторге. – Может быть, соизволите сказать о нем что-

нибудь еще?

– Пожалуйста. Еще его зовут Макджи фиалка. Это потому, что он все время сосет пастилки от кашля, а они пахнут фиалками. Человек он рослый, с мягкими седыми волосами и небольшими пухлыми губами. Неравнодушен к женщинам. Когда я его видел в последний раз, на нем был аккуратный синий костюм, коричневые туфли на толстой подошве, серая фетровая шляпа и он курил опиум. Трубка у него небольшая, вересковая.

– Мне не нравятся ваши манеры, – заявил Кингсли таким твердым тоном, что им, казалось, можно колоть орехи.

– Не нравятся, и не надо, – сказал я. – Я их не собираюсь продавать.

Он качнулся назад, будто я сунул ему под нос тухлую скумбрию, затем повернулся и бросил через плечо:

– Даю вам на разговор три минуты. Один бог знает, для чего.

Он зло пролетел мимо стола мисс Фромсет, так что ковер под его ногами чуть не задымился, толкнул свою дверь и отпустил ее у меня перед самым носом. Этот фокус тоже пришелся мисс Фромсет по душе, но теперь ее глаза, по-моему, лукаво посмеивались.

Кабинет Кингсли был великолепен. Большой, тихий, с кондиционером; окна закрыты, серые жалюзи приспущены от жаркого июльского солнца. Сероватые шторы подобраны по цвету с коврами, в углу черный с серебром сейф и под стать ему – низкие ящики картотеки. На стене огромная подретушированная фотография старика с массивным крючковатым носом, бакенбардами и стоячим воротничком. Торчащий в разрезе воротничка кадык выглядел решительнее, чем у некоторых подбородки. Пластинка под фото гласила: «Мэтью Гиллерлейн, 1860–1934».

Дерас Кингсли на скорости обогнул большой стол, ценой не менее восьмисот долларов, и плюхнулся в высокое кожаное кресло. Потом вынул из шкатулки красного дерева, оправленного в бронзу, длинную сигару, обрезал ее и прикурил от большой бронзовой зажигалки. Прodelывал он все это не спеша. Спешу ли я – никого не волновало. Закончив с сигарой, он откинулся в кресле, выпустил колечко дыма и сказал:

– Я деловой человек. На пустяки у меня нет времени. Судя по визитной карточке, вы профессиональный сыщик. Покажите бумаги.

Я достал бумажник и протянул ему документы. Он глянул на них и бросил назад через стол. Копия удостове-

ния в целлулоидной оправе соскользнула на пол. Извиниться Кингсли и не подумал.

– Ни о каком Макджи я не слышал, – сказал он. – Знаком лишь с шерифом Петерсеном. Я просил найти мне для одного дела надежного человека. Судя по всему, это вы.

– Макджи работает у Петерсена, но только в Голливудском отделении. Можете проверить.

– Зачем? Вы мне, скорее всего, подойдете. Только постарайтесь меня не раздражать. И запомните, если я кого нанимаю, то нанимаю со всеми потрохами. Мое слово – закон. И еще: придется держать язык за зубами. Иначе тут же вылетите вон. Ясно? Спуску я не дам. Так что подумайте, не слишком ли жесткие условия.

– Пока оставим вопрос открытым, – сказал я.

Он нахмурился и резко спросил:

– Сколько вы берете?

– Двадцать пять долларов в день, не считая расходов. Плюс восемь центов за милю на бензин.

– Чушь, – сказал он. – Куда столько? Пятнадцати долларов хватит за глаза. Бензин я оплачивать готов, но в разумных пределах. Развлекательных поездок не потерплю.

Я затаился, выпустил серое облачко дыма, развеял его ладонью, но не сказал ни слова. Мое молчание его несколько удивило.

Он наклонился над столом и протянул руку с сигарой в мою сторону.

– Я вас еще не нанял. Но если найму, то потребую хранить все в полной тайне. Никакого трепа с вашими друзьями-полицейскими. Ясно?

– Что за работа мне предстоит, мистер Кингсли?

– А вам не все равно? Вы ведь, наверное, беретесь за любые расследования?

– Нет, не за любые. Только за чистоплотные.

Крепко сжав челюсти, он посмотрел мне в лицо. Его серые глаза потемнели.

– Кстати, я не занимаюсь разводами, – продолжал я. – И еще беру сто долларов задатка – с незнакомых.

– Да-а, – протянул он неожиданно тихим голосом. – Ну-ну.

– Теперь по вопросу об условиях и жесткости, – сказал я. – Большинство моих клиентов поначалу или плачут мне в жилетку, или орут, чтобы показать, кто хозяин. Но в конечном итоге всегда становятся самими собой – если остаются в живых.

– Ну-ну, – повторил он тем же тихим голосом, не сводя с меня глаз. – И многих вы теряете?

– Не особенно, если мы находим общий язык.

– Хотите сигару? – спросил он.

Я взял ее и сунул в карман.

– Мне нужно найти жену, – сказал он. – Она пропала месяц назад.

– Понятно, – сказал я. – Найду я вам жену.

Мистер Кингсли хлопнул по столу обеими руками:

– Думаю, и вправду найдете. – И, улыбнувшись, добавил:

– Таких щелчков по носу я не получал уже четыре года.

Я промолчал.

– Черт! – сказал он. – Мне даже понравилось. Действительно понравилось. – Он запустил пальцы в густую темную шевелюру. – А от жены я ничего не слышал уже месяц. Она была в горах. Там у нас коттедж около Пумьей Вершины. Знаете это место?

Я сказал, что знаю.

– Коттедж находится в трех милях от поселка, – продолжал Кингсли. – В конце – подъезд по частной дороге. Стоит он на берегу озерца, называется оно Оленье. Нас там трое совладельцев, и вскладчину мы возвели плотину. Участок большой, земля, правда, еще не обихожена, но со временем мы ею займемся. У моих двух приятелей тоже по коттеджу, а в четвертом бесплатно живет с женой некто Билл Чесс. Он ветеран войны, инвалид на пенсии и присматривает за порядком. Больше никого нет. Жена уехала туда в середине мая, два раза приезжала на выходные, хотела снова появиться двенадцатого июня на вечеринке, но так и не появилась.

– Что-нибудь вы уже предприняли?

– Ничего. Абсолютно ничего. Даже не был там.

Он умолк, чтобы дать мне возможность спросить почему.

– Почему? – спросил я.

Мистер Кингсли отодвинулся вместе с креслом и открыл

ключом ящик стола. Он вынул оттуда сложенный листок бумаги и бросил мне. Я развернул его. Это оказалась телеграмма, посланная из Эль-Пасо четырнадцатого июня в девять девятнадцать утра. Адресована она была Дерасу Кингсли, Беверли-Хиллз, Карсон-драйв, дом 965.

УЕЗЖАЮ МЕКСИКУ ПОЛУЧИТЬ РАЗВОД ТЧК ВЫХОЖУ

ЗА КРИСА ТЧК ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ КРИСТЛ.

Я положил телеграмму на стол рядом с собой, а он уже протягивал мне большую четкую фотографию на глянцевой бумаге, изображавшую парочку на пляже под грибком. Мужчина сидел в плавках, женщина – в очень открытом белом купальнике. Красивая, хорошо сложенная блондинка, молодая, улыбающаяся, и дюжий смуглый парень около шести футов с темными прилизанными волосами. Плечи широкие, ноги стройные, зубы белые. Типичная гроза супружеских перин: мозги – птичьи, а руки приделаны лишь для того, чтобы обнимать. На пальце парень крутил темные очки и смотрел в камеру со спокойной заученной улыбкой.

– Это моя жена и Крис Лейвери. Пусть себе милуются сколько угодно. Мне плевать.

Я положил фото поверх телеграммы:

– А из-за чего весь сыр-бор?

– Телефона там нет, – сказал он. – Вечеринка, на которую

она сюда собиралась, была для нее не особенно важной. Так что до телеграммы меня вообще ничего не смущало. Да и телеграмме я почти не удивился. У нас с Кристл давно все кончено. Она живет своей жизнью, я – своей. Денег ей хватает – около двадцати тысяч годового дохода от акций семейного акционерного общества. В Техасе у них на откупе богатые нефтяные скважины. В одиночестве сидеть не любит, и Лейвери, я знаю, был одним из ее любовников. Мне бы, конечно, задуматься, зачем ей понадобилось выходить за профессионального ловеласа. Но вообще-то, ничего особенного я во всем этом не усмотрел.

– А что потом?

– Две недели было тихо. Затем позвонили из гостиницы «Прескотт» в Сан-Бернардино и сообщили, что у них в гараже стоит «паккард», зарегистрированный на имя Кристл Кингсли, проживающей по моему адресу, и спросили, какие на этот счет будут указания. Я попросил их последить за машиной и выслал чек. Вроде бы опять ничего странного. Мало ли почему Кристл не вернулась, да и поехали они, скорей всего, на машине Лейвери. Но позавчера я столкнулся с ним около спортивного клуба, здесь, на углу. Он сказал, что не имеет никакого представления, где Кристл.

Кингсли бросил на меня быстрый взгляд и поставил на стол бутылку и два бокала цветного стекла. Наполнив их, он подвинул один мне и, подняв свой к свету, медленно произнес:

– Лейвери сказал, что никуда не уезжал и вообще не пересекался с Кристл уже два месяца.

– Вы поверили?

Хмуρο кивнув, он выпил и отставил бокал в сторону. Я хлебнул из своего. Оказалось, что это виски. Причем не лучшего качества.

– Может быть, и зря поверил, но поверил не потому, что он порядочный человек. Куда там! Дело в том, что этого подонка хлебом не корми, дай залезть в постель к жене приятеля и потом покуражиться. Кто-кто, а уж он не упустил бы случая достать меня тем, что умыкнул Кристл. Этих котов я знаю, а Криса Лейвери лучше других. Одно время он тут работал и без конца влипал в истории – не мог пропустить в нашей конторе ни одной юбки. К тому же я ему рассказал о телеграмме из Эль-Пасо. Какой ему смысл врать?

– Предположим, ваша жена дала ему от ворот поворот, – сказал я. – Это бы Лейвери больно зацепило – с его-то комплексом Казановы.

Кингсли было повеселел, правда совсем немного, но тут же замотал головой.

– Нет. Все же я склонен ему верить. А ваша задача – доказать, что я ошибаюсь. Для того вас и нанимают. Хотя есть в этом деле еще один неприятный аспект. У меня тут прекрасная работа, но это только работа. Я не хозяин. Поэтому скандал может мне крупно навредить. Стоит жене угодить в полицию, и я с треском вылетчу.

– В полицию?

– Кроме других своих выкрутасов, – мрачно сказал Кингсли, – она еще время от времени что-нибудь крадет в магазинах. Думаю, от желания пощекотать с перепоя нервы. Но управляющие, случалось, устраивали нам те еще сцены. Пока мне удавалось спускать все на тормозах, и в суд ее не таскали, но если она влипнет в другом городе, где ее никто не знает... – Он поднял руки и громко хлопнул ладонями по столу. – Дело кончится каталажкой.

– Отпечатки пальцев у нее еще не брали? – спросил я.

– Нет, в полицию она не попадала, – ответил он.

– Я не про то. Иногда в больших универмагах ставят условие: «Дайте нам снять отпечатки пальцев, и обвинений мы предъявлять не будем». У новичков это отбивает охоту к воровству, а в торговой ассоциации копят данные на kleптоманов. Стоит отпечаткам попасть в картотеку определенное число раз, и спуска проштрафившемуся уже не дадут.

– Насколько мне известно, ничего подобного с ней пока не случилось.

– Тогда воровство можно не принимать в расчет, – сказал я. – При аресте ее бы обыскали. Так что, назовись она даже чужим именем, вас бы уже нашли. К тому же она сама завопила бы о помощи. Да и телеграмме, – я ткнул пальцем в бело-голубой бланк, – уже месяц. Если ваша жена попалась месяц назад, все давно улажено. На первый раз отделалась бы порицанием или условным приговором.

От волнения Кингсли налил себе еще виски.

– Вы меня успокаиваете, – сказал он.

– Мало ли что могло случиться, – продолжал я. – Скажем, она действительно уехала с Лейвери, но потом они расплелись. Или уехала с другим, а эту телеграмму послала для отвода глаз. Или уехала с какой-то женщиной. А то и вообще одна. А может, зашла и сейчас лечится в частной клинике. Или влипла в такое, что нам и не снилось. Могла попасть, кстати, в серьезную передрыгу.

– Типун вам на язык! – воскликнул Кингсли.

– А что странного? Исключать ничего нельзя. Насколько я понимаю, миссис Кингсли молода, хороша собой и без царя в голове. Любит выпить и способна на опасные выходки. Еще равнодушна к мужчинам – поэтому ей раз плюнуть спутаться с проходимцем. Правильно?

– Абсолютно! – кивнул он.

– Сколько у нее бывает с собой денег?

– Довольно много. В банке свой счет. Сколько захочет – столько и снимает.

– Дети есть?

– Нет.

– Ее делами управляете вы?

Он отрицательно покачал головой:

– Дел, собственно, никаких и нет. Она просто выписывает чеки, берет деньги и тратит. Гроша ни во что не вложила. А если вы намекаете на меня, то мне от ее денег никакого про-

ку. — Он немного помолчал. — Конечно, в свое время у меня были на них виды. Да и кому понравится, если в трубу каждый год вылетает двадцать тысяч, а взамен — лишь похмелье и любовники типа Криса Лейвери.

— В каких вы отношениях с ее банком? Есть возможность узнать, сколько она сняла со счета за последнюю пару месяцев?

— Не скажут. Однажды я решил, что ее кто-то шантажирует, и пытался выудить у них данные. Наткнулся на стену.

— Они нам могут понадобиться, эти данные, — сказал я. — И возможность получить их есть. Только придется идти в отдел розыска пропавших без вести. Как вы к этому отнесетесь?

— Ну уж нет. Зачем бы я тогда нанимал вас?

Я кивнул, взял со стола телеграмму, фотографию и положил в карман.

— С миссис Кингсли могло произойти что угодно. Сначала я поговорю с Лейвери, а потом съезжу на Оленье озеро, порасспрашиваю там. Сейчас мне нужен его адрес и записка к вашему сторожу в горах.

Он вынул из стола фирменный бланк, что-то написал и протянул мне. Я прочел:

Дорогой Билл! Подателю сего, мистеру Филипу Марлоу, необходимо осмотреть наш участок. Откройте ему, пожалуйста, мой коттедж, а также окажите помощь во всем остальном.

С уважением,
Дерас Кингсли.

Я сложил записку и сунул ее в конверт, который он тем временем надписал.

– А кто живет в остальных коттеджах? – спросил я.

– В этом году пока никто. Один из моих приятелей на государственной службе в Вашингтоне, другой – в Форт-Ливенворте. Жены с ними.

– Теперь адрес Лейвери, – сказал я.

Кингсли устремил взгляд в потолок.

– Бэй-Сити... Черт! Где стоит дом, помню, а адрес забыл. Думаю, у мисс Фромсет он есть. Ей, кстати, не обязательно знать, зачем он вам. Хотя она, видимо, догадается. Да, еще вы требовали сотню задатка.

– Обойдусь, – сказал я. – Требовал, когда вы пытались вытереть об меня ноги.

Он усмехнулся. Я встал и хотел было уйти, но на секунду задержался:

– Вы ничего от меня не утаили? Ничего важного?

Он уставился на свои пальцы:

– Ничего. Я действительно беспокоюсь и хочу, чтобы вы ее нашли. Чертовски беспокоюсь. Если что раскопаете, звоните в любой час дня и ночи.

Я пообещал, пожал ему руку и вышел из большого прохладного кабинета в приемную, где сидела за столом элегант-

ная мисс Фромсет.

– Мистер Кингсли просит дать адрес Криса Лейвери, – сказал я, наблюдая за ее лицом.

Она очень медленно подтянула к себе адресную книгу в коричневом кожаном переплете и полистала страницы.

– Бэй-Сити, Альтаир-стрит, дом шестьсот двадцать три. Местный телефон – двенадцать пятьсот двадцать три. Но мистер Лейвери не работает у нас уже больше года. Мог за это время и переехать. – Голос звучал холодно, напряженно.

Я поблагодарил ее и направился к выходу. У дверей я оглянулся. Она сидела не шевелясь, сложив руки на столе и устремив взгляд в пространство. На щеках были красные пятна, в глазах – горечь.

У меня создалось впечатление, что мистер Крис Лейвери не оставил в ее сердце нежных чувств.

Альтаир-стрит тянулась по краю глубокого каньона, расширяющегося у залива. К северу до мыса Малибу голубела прохладная водная гладь. Южнее на крутом берегу лепился над прибрежным шоссе пляжный городок Бэй-Сити.

Улица оказалась маленькой, всего три-четыре квартала, и кончалась тупиком – высоким железным забором, отгораживающим чье-то большое поместье. Сквозь прутья с позолоченными пиками виднелись деревья, кусты, край лужайки, кусок подъездного пути, но сам особняк был скрыт. На противоположной от каньона стороне улицы выстроились большие ухоженные дома, а те, что раскинулись по краю обрыва, были так себе. Вблизи железного забора стояли всего два бунгало, почти точно одно против другого. На том, что поменьше, висел номер 623.

Я проехал мимо, сделал разворот у тупика, вернулся и заглушил машину чуть дальше, у соседнего участка. Дом Лейвери жался ласточкиным гнездом к склону обрыва: парадная дверь немного ниже уровня улицы, патио на крыше, спальня в полуподвальном этаже, а гараж свисал вниз, как сетка бильярдной лузы. По фронтальной стене дома вилась темно-красная бугенвиллея, а дорожку, выложенную из плоских камней, окаймлял корейский мох. Дверь была узкая, решетчатая, с острыми зубцами полукругом вверху. Под решеткой

висел железный дверной молоток. Я постучал.

Никто не ответил. Тогда я надавил кнопку звонка сбоку двери, услышал, как близко в доме зазвенело, и подождал: опять ничего. Пришлось снова взяться за молоток. Безрезультатно. Я вернулся по дорожке к улице, спустился к гаражу, и мне удалось чуточку приоткрыть дверь. Там стояла машина с белыми ободками на покрышках вокруг колпаков. Я снова пошел к передней двери.

Из гаража на противоположной стороне выполз задом аккуратный черный «кадиллак», развернулся и, проезжая мимо дома Лейвери, замедлил ход. Худощавый человек в черных очках строго оглядел меня, словно я не имел никаких прав торчать тут. Я ответил ему холодным взглядом, и он покатил дальше.

Подойдя к двери, я снова взялся за молоток. На этот раз повезло. Окошечко в двери распахнулось, и сквозь прутья решетки на меня уставилось красивое лицо с блестящими карими глазами.

– Черт, ну и грохот!

– Мистер Лейвери?

Он кивнул и спросил, что мне нужно. Я просунул сквозь решетку визитную карточку. Большая загорелая рука забрала ее. Через секунду карие глаза вонзились в меня снова.

– Пардон, но сегодня мне сыщики не требуются.

– Я работаю на Дераса Кингсли.

– К чертям и вас, и его, – сказал он и захлопнул окошко.

Надавив на звонок, я свободной рукой достал сигарету, чиркнул спичкой о косяк, но тут дверь распахнулась, и из нее вышел здоровенный парень в плавках, пляжных тапочках и белом махровом халате.

Я убрал палец с кнопки и ухмыльнулся:

– Ну что, не выдержали?

– Позвони еще раз, – сказал он, – и полетишь кувырком через всю улицу.

– Бросьте глупить, – сказал я. – Ясно же, что нам не избежать разговора.

Я вынул из кармана бело-голубую телеграмму и поднес к его блестящим глазам. Он угрюмо пробежал текст, закусил губу и проворчал:

– Проходите, черт вас дери.

С этими словами Лейвери широко распахнул дверь, и я прошел в приятный полумрак гостиной с дорогим китайским ковром абрикосового цвета, глубокими креслами, белыми цилиндрическими плафонами ламп, длинным, очень широким диваном под мохеровым пледом бежево-шоколадных тонов и камином с резной доской светлого дерева и медным экраном. В камине за экраном лежали дрова, прикрытые большой веткой толокнянки. Ее соцветия уже местами пожухли, но были все еще красивы. На стеклянной столешнице низкого круглого столика из орехового дерева стояло медное ведерко для льда, а на подносе – бутылка виски «Ват 69» и бокалы. Комната тянулась через весь дом и кончалась

аркой, за которой виднелись три узких окна и белые перила ведущей вниз железной лестницы.

Лейвери хлопнул дверью и сел на диван. Потом вынул из чеканной серебряной папиросницы сигарету, прикурил и раздраженно уставился на меня. Я сел напротив и тоже принялся его рассматривать. Снимок не наврал – парень был действительно хорош. Потрясающий торс, роскошные ноги. Кофейные, с сероватыми белками глаза. Волосы длинные, слегка выющиеся на висках. Кожа загорелая, абсолютно гладкая. Призовой бык, да и только – на мой взгляд, во всяком случае. Хотя понять, почему женщины вешались ему на шею, было нетрудно.

– К чему скрывать, где она? – спросил я. – В конце концов, мы так или иначе узнаем. А скажете сами, от вас быстрее отстанут.

– Отстанут? Так я и испугался какого-то частного шпика!

– Зря. Частный шпик может попортить нервы кому угодно. Народ мы упорный, к оскорблениям привычный. Да и платят нам за время, так что не все ли равно, как его проводить?

– Послушайте! – Он наклонился вперед и ткнул в мою сторону сигаретой. – Вашу телеграмму я посмотрел. Чушь собачья! Ни в какой Эль-Пасо я с Кристл не ездил. А в последний раз мы виделись... в общем, задолго до той даты, что стоит на бланке. Кингсли я уже говорил – ничего я о ней не знаю.

– Он не обязан вам верить.

– А какой мне смысл врать? – удивился Лейвери.

– А какой смысл говорить правду?

– Послушайте, – сказал он с серьезным видом, – вы, видно, совсем не знаете Кристл. На Кингсли ей плевать. А если ему не по душе ее поведение, пусть ищет себе другую. Меня просто тошнит от этих ревнивых мужей.

– Если вы не ездили с ней даже до Эль-Пасо, с какой стати она дала эту телеграмму? – спросил я.

– Откуда мне знать?

– Неубедительно, – сказал я и показал на ветку толокнянки. – Сорвали у Оленьего озера?

– Тут на склонах полно толокнянки, – бросил он презрительно.

– Но цветет она совсем не так.

Он рассмеялся:

– Если уж вам так хочется знать, я был у нее во второй половине мая. Все равно пронюхаете. Но с тех пор вообще не видел.

– Вы собираетесь на ней жениться?

– Подумывал. – Он пустил струйку дыма, – у нее есть деньги. А деньги никогда не мешают. Но уж больно тяжело они бы мне доставались.

Я кивнул, но промолчал. Лейвери снова посмотрел на ветку толокнянки в камине, пыхнул сигаретой и откинулся назад, демонстрируя крепкую загорелую шею. Я все еще молчал. Почувствовав себя неудобно, он стал разглядывать мою

визитную карточку.

– Значит, нанимаетесь копать в чужом белье? И хорошо платят?

– Хвастать нечем. Доллар тут, доллар там. Кое-что перепадает.

– И все в дерьме?

– Бросьте, мистер Лейвери. Зачем нам ссориться? Просто Кингсли считает, что вы знаете, где его жена, но не хотите сказать. То ли по злобе, то ли из чувства такта.

– А какие чувства он бы предпочел? – Губы на красивом загорелом лице насмешливо изогнулись.

– Ему один черт. Главное – получить информацию. Его не волнуют ни ваши с ней отношения, ни поездки, ни даже развод. Он просто хочет быть уверенным, что у нее все в порядке и она не влипла в передрагу.

Лейвери заинтересовался:

– В передрагу? В какую передрагу? – Он катал это слово во рту, словно пробуя на вкус.

– А то вы не знаете, что он имел в виду.

– Не знаю. Расскажите, – попросил он с сарказмом. – Буду счастлив просветиться.

– С вами каши не сваришь, – сказал я. – Хлебом не корми – дай похохмить, а о деле ни слова. Мы правда не собираемся таскать вас по судам за то, что вы умыкнули ее за границу штата.

– Какие, к черту, суды? Сначала надо доказать, что я во-

обще уезжал.

– Чего же она отправила телеграмму? – гнул я свое. Мне показалось, что я уже много раз повторял эти слова.

– Вероятно, шутка. Она без этого не может. А все шутки у нее или глупые, или злые.

– А тут-то зачем шутить? Не вижу логики.

Он осторожно стряхнул пепел на стеклянный столик, метнул в меня взгляд и тут же отвел глаза в сторону.

– Я ее обманул, – медленно произнес он. – Вот она и мстит. Должен был приехать на выходные, но не приехал. Она... она мне надоела.

– Угу, – буркнул я и спокойно уставился на него, – но мне больше нравится другой вариант: вы отправились с ней в Эль-Пасо, там поругались и разъехались. Согласны, что так оно правдоподобнее?

Его загорелое лицо побагровело.

– Черт вас подери! Сколько раз повторять, что никуда я с ней не ездил. Никуда! Неужели трудно запомнить?

– Запомню, когда поверю.

Он наклонился и затушил сигарету. Потом не спеша, без усилия встал, туго затянул пояс халата и сделал шаг в мою сторону.

– Все, – сказал он четким звенящим голосом. – Теперь вон отсюда! Уматывайте! Мне этот дурацкий допрос надоел. Только отнимаете у меня время. И у себя, если оно хоть чего-то стоит.

Я тоже встал и ухмыльнулся:

– Стоит оно не много, но мне все же платят. А не могло, к примеру, случиться, что вы нарвались на неприятности в каком-нибудь универмаге? Скажем, в трикотажном или ювелирном отделе?

Нахмутив брови и плотно сжав губы, Лейвери внимательно посмотрел на меня.

– Не понимаю, – сказал он, но по голосу чувствовалось, что он задумался.

– Вот и все, что мне хотелось узнать, – сказал я. – Спасибо за внимание. Кстати, где вы устроились после того, как ушли от Кингсли?

– А вам какое дело?

– Никакого. Но это легко выяснить, – ответил я и двинулся к двери, но ушел недалеко.

– В настоящее время я не работаю, – заговорил он холодно. – Со дня на день жду призыва во флот.

– Там вам самое место, – сказал я.

– Точно! Прощай, топтун. И не вздумай являться снова. Меня не будет дома.

Я подошел к выходу и толкнул дверь. Внизу у порога ее заклинило – разбухла от морской влаги. Справившись с ней, я обернулся. Он стоял, сузив глаза, едва сдерживая ярость.

– Может быть, я приду еще, – сказал я. – Но не обмениваться остротами. Если что-то раскопаю, придется поговорить.

– Все еще уверен, что я вру? – взорвался он.

– Вас явно что-то тревожит. Мне пришлось повидать людей, и я редко ошибаюсь. Может быть, это меня не касается. Но если касается, у вас будет случай выгнать меня снова.

– С удовольствием, – сказал он. – Только в следующий раз захватите с собой приятеля, чтобы было кому отвезти домой. Бывает, хлопаешься задницей, а отшибает мозги.

И ни с того ни с сего он вдруг плюнул прямо на ковер. Меня покорило. С него слетело все показное, и внезапно оскалило зубы мурло. Так коробит, когда интеллигентная на вид женщина вдруг начинает говорить непристойности.

– Прощай, красавчик, – бросил я и взялся за дверь.

Пришлось поднажать, чтобы она закрылась. Я выбрался по дорожке на улицу и остановился на тротуаре, рассматривая дом напротив.

Это был приземистый, широкий дом с выцветшей до приятных пастельных тонов розовой штукатуркой и тускло-зелеными оконными переплетами. Крышу покрывала круглая чешуйчатая черепица зеленого цвета. Парадная дверь вдавалась глубоко внутрь, а нишу облицовывала мозаика из разноцветных плиток. За низкой оштукатуренной оградой с ржавеющей на морском воздухе решеткой виднелся небольшой цветник. Слева от ограды стоял гараж на три машины с дверьми во внутренний дворик, по которому к боковому входу в дом вела цементная дорожка.

На воротах висела бронзовая табличка: «Альберт С. Олмор, доктор медицины».

Пока я все это разглядывал, в соседнем квартале из-за угла вывернул тот же черный «кадиллак». Мягко урча, он замедлил ход и стал выруливать перед гаражом, но, решив, что моя машина ему мешает, доехал до тупика, развернулся у железного забора с позолоченными пиками, медленно вернулся и вполз в пустой отсек.

Худошавый человек в темных очках и с докторским саквояжем направился по дорожке к дому. На полпути он остановился и посмотрел в мою сторону. Я пошел к своей машине. У дверей дома он вынул ключи и, отпирая дверь, снова оглянулся.

Я залез в «крайслер», закурил и стал думать, не стоит ли кого нанять, чтобы повисел на хвосте у Лейвери. Решил, что пока не стоит.

Занавески в нижнем окне рядом с боковой дверью, за которой скрылся доктор Олмор, шевельнулись. Худошаваая рука развела их в стороны, и за стеклом блеснули очки. Через некоторое время занавески сомкнулись.

Я оглянулся на дом Лейвери. С этого места было видно, что от крыльца черного хода с крашеными деревянными ступеньками шла дорожка, которая – опять по ступенькам, но теперь бетонным – спускалась к мощеному проулку.

Я снова перевел глаза на дом Олмора и стал лениво гадать, хорошо ли доктор знает Лейвери. Вероятно, хорошо, раз в квартале всего два дома. Правда, из врачей обычно ничего не удастся вытянуть. Тем временем занавески в окне окончательно раздвинулись.

На среднем стекле жалюзи не было. Я видел, что худошавый доктор смотрит оттуда в мою сторону с очень хмурым видом. Я стряхнул пепел за дверь машины. Олмор отвернулся и сел за письменный стол, на котором стоял его саквояж. Он сидел прямо, нервно барабанил пальцами по столешнице. Его рука вдруг потянулась к телефону, коснулась трубки, отдернулась. Он закурил сигарету, резким взмахом погасил спичку, снова подошел к окну и снова уставился на меня.

Меня это заинтриговало. Ведь Олмор врач, а врачи, как правило, самые нелюбопытные люди на свете. Еще на прак-

тике они узнают столько секретов, что хватает на всю жизнь. Нет, доктор Олмор явно мной интересовался. Более того, нервничал.

Когда я уже нагнулся, чтобы включить зажигание, парадная дверь в доме Лейвери распахнулась. Я снял руку с ключа и откинулся на сиденье. Быстрым шагом Лейвери поднялся по дорожке, окинул взглядом улицу и повернул к гаражу. Одет он был, как и прежде, только с руки теперь свисали махровое полотенце и пляжная подстилка. Я услышал, как лязгнули ворота гаража, открылась и закрылась дверь машины, со скрежетом завелся мотор. Покашливая белыми облачками выхлопных газов, по крутому склону на улицу выбралась задом небольшая ладная машина голубого цвета. Верх был откинут, и над дверью виднелась прилизанная голова в темных очках с широкими белыми дужками. Машина скользнула вдоль квартала и, сделав изящный вираж, исчезла за поворотом.

Мне не было дела, если мистер Кристофер Лейвери поехал на берег бескрайнего Тихого океана, чтобы полежать на солнышке и дать девицам полюбоваться его роскошными статями.

Я снова переключился на доктора. Сейчас он прижимал к уху телефонную трубку, но не говорил, а, покуривая, ждал. Затем, чуть дернувшись, склонился, как обычно бывает, когда на том конце провода наконец раздается голос, что-то выслушал, положил трубку и сделал запись в блокноте. На

столе перед ним тут же появилась толстая книга с желтым обрезом. Доктор раскрыл ее приблизительно посередине и кинул быстрый взгляд на мой «крайслер».

Найдя наконец нужное место, он пригнул голову и окутал страницы облаками сигаретного дыма. Потом сделал в блокноте еще одну запись, отодвинул книгу, снова набрал по телефону номер, подождал и, покачивая головой, жестикулируя сигаретой, быстро заговорил.

Кончив разговор, доктор положил трубку, откинулся на спинку кресла и задумчиво уставился на стол, не забывая, однако, каждую минуту поглядывать в окно. Он чего-то ждал, и я ждал вместе с ним, сам не зная зачем. Врачи часто звонят по телефону, разговаривают со множеством людей. Врачи смотрят из окон, врачи хмурятся, нервничают, думают, переутомляются. Другими словами, врачи – это обычные люди, рожденные для страданий и борьбы в этом мрачном мире, как и все мы.

Однако в повадках этого врача меня что-то интриговало. Я глянул на часы, решил, что пора перекусить, но закурил и... остался на месте.

Прошло пять минут. Из-за поворота выскочил зеленый седан и покатил вдоль квартала. Качнув длинным хлыстом антенны, он замер у дома Олмора. Из машины вылез крупный блондин с блеклыми волосами и пошел к парадной двери. Нажав на звонок, он наклонился и чиркнул спичкой о ступеньку. Голова его повернулась в мою сторону.

Дверь щелкнула и выпустила его внутрь. Невидимая рука задвинула занавески в окне кабинета. Я сидел и смотрел на темную в солнечном свете ткань. Время тянулось медленно.

Наконец дверь снова отворилась, и блеклый не торопясь сошел по ступенькам к воротам. Он отшвырнул от себя окурок, взъерошил волосы, потом пожал плечами, потер подбородок и направился по диагонали через улицу. Его шаги звучали в тишине четко, но лениво. Занавески в окне доктора раздвинулись опять. Олмор стоял у окна и наблюдал за происходящим.

На край открытого стекла моей машины легла большая веснушчатая рука, и ко мне склонилось крупное, изрезанное складками лицо. Поблескивающие холодом голубые глаза внимательно оглядели меня.

– Кого-нибудь ждете? – раздался хриплый бас.

– Сам не знаю, – ответил я. – А что, похоже?

– Вопросы сегодня задаю я.

– Черт возьми! – сказал я. – Вот и ответ на пантомиму.

– Какую пантомиму? – Голубые глаза смотрели тяжело и недружелюбно.

Я ткнул сигаретой в дом напротив.

– Вон тот неврастеник все возился с телефоном. Вероятно, узнавал мое имя в автоклубе, потом искал его в телефонном справочнике и звонил в полицию. Чем могу служить?

– Ваши права.

Я посмотрел ему в глаза.

– Может, сначала предъявите полицейский значок? – сказал я. – Или достаточно одного хамства, чтобы я понял, с кем имею дело?

– Когда я начну хамить, ты это сразу почувствуешь, приятель.

Я наклонился, включил зажигание и нажал на стартер. Мотор завелся и заурчал.

– Выключи, – приказал блондин со злобой и поставил ногу на подножку.

Я выключил мотор, откинулся на сиденье и посмотрел на него.

– Дьявол! – сказал он. – Добиваешься, чтобы тебя вытащили из машины и повозили мордой по тротуару?

Я протянул ему бумажник. Он вынул оттуда целлулоидную корочку, просмотрел мои водительские права и копию удостоверения, засунутую с другой стороны. Потом презрительно вложил их обратно и отдал бумажник. Когда я его убрал, в руке у него появился голубой с золотом полицейский значок.

– Лейтенант Дегармо, уголовный отдел, – представился он своим грубым басом.

– Рад знакомству, лейтенант.

– Оставим это. Лучше скажите, какого рожна шпионите за Олмором?

– Ни за кем я не шпионю, как вы изволили выразиться. В жизни не слышал о докторе Олморе, лейтенант, и никаких

оснований шпионить за ним у меня нет.

Он повернул голову и сплюнул. Сегодня мне прямо-таки везло на верблюдов.

– Тогда что вы тут делаете? Частных ищек мы не жалуем. В нашем городке их вообще нет.

– Ни одного?

– Ни одного. Так что давайте выкладывайте как на духу, а то придется попотеть в участке.

Я молчал.

– Вас наняли ее родственники? – неожиданно спросил он.

Я отрицательно мотнул головой.

– Последнего, кто пытался это сделать, отправили за госсчет дороги строить.

– Прекрасно, – сказал я. – Только я ничего не понимаю. Что он пытался сделать?

– Прижать доктора, – сказал блондин неуверенно.

– Жаль, что я этого не умею, – сказал я. – Но судя по виду, прижать его ничего не стоит.

– Такой тон до добра не доведет, – сказал он.

– Ладно, – сказал я. – Давайте по-другому. Знать не знаю этого Олмора, ни разу о нем не слышал, и мне нет до него дела. Приехал я сюда повидаться с приятелем и полюбоваться видами. Если же занимаюсь кое-чем еще, то это никого не касается. А если вам что не по душе, поехали в участок и поговорим с дежурным офицером.

Он тяжело повозил ногой по подножке и с недоверием

взглянул на меня.

– Правда? – спросил он тягуче.

– Правда.

– Дьявол! Наш доктор явно сбрендил. – Он оглянулся через плечо на дом. – Ему бы самому надо показаться доктору. – И, невесело рассмеявшись, он убрал ногу с подножки и взъерошил свои жесткие волосы. – Ладно, валите отсюда. И держитесь подальше от нашей резервации – меньше наживете врагов.

Я снова включил стартер и, когда мотор завелся, вежливо спросил:

– А как поживает Эл Норгаард?

– Вы знали Эла? – уставился он на меня.

– Знал. Пару лет назад мы вели тут одно дело... Тогда начальником полиции был еще Уэкс.

– Эл сейчас в военной полиции. Мне бы на его место, – сказал Дегармо со вздохом и, уже отходя, резко повернулся на каблуках. – Валите отсюда, пока я добрый.

Тяжелым шагом он пересек улицу и вошел во двор Олмора.

Я выжал сцепление и тронул. По дороге в город я прислушивался к собственным мыслям. Они судорожно металась из стороны в сторону, словно тонкие пальцы доктора Олмора, сдвигающие и раздвигающие занавеску.

В Лос-Анджелесе я пообедал и забежал в Кауэнга-билдинг проверить в своей конторе почту. Оттуда я позвонил

Кингсли.

– С Лейвери я виделся, – сообщил я. – Он наговорил мне кучу пакостей, и вполне искренне. Попытка его подзавести особых результатов не дала. Мне по-прежнему кажется, что они поссорились, но он все же не теряет надежду снова наладить отношения.

– Тогда он, видимо, знает, где она, – сказал Кингсли.

– Может, знает, а может, и нет. Кстати, на улице, где живет Лейвери, со мной произошла любопытная история. Там в квартале всего два дома. И второй из них принадлежит некому доктору Олмору.

Я вкратце рассказал ему про свое приключение. Немного помолчав, он спросил:

– Доктора зовут Альберт?

– Да.

– Одно время он лечил Кристл. Несколько раз приходил к нам, когда... в общем, когда она перепивала. Сразу же хватается за шприц. А жена у него... обождите-ка, что-то там было с его женой... Ну да, покончила самоубийством.

– Когда?

– Не помню. Довольно давно. Я с ними не особенно общался. Что собираетесь делать дальше?

– Собираюсь на Пумье озеро, хотя ехать уже немного поздновато.

Он сказал, что времени у меня достаточно, к тому же в горах темнеет на час позже.

Я ответил, что тогда все прекрасно, и мы положили трубки.

Сан-Бернардино пекся в мареве послеполуденного солнца. Жара стояла такая, что обжигало язык. Ловя ртом воздух, я остановился купить фляжку спиртного на случай, если обессилю в дороге, и начал долгий подъем к Крестлайну. Через пятнадцать миль шоссе взобралось на пять тысяч футов, но прохладнее не стало. Еще через пятнадцать миль я въехал в окруженный высокими соснами поселок Бьющие Ключи. Там и было всего-то что заправка да дощатый магазинчик, зато свежо, как в раю. До конца пути жары больше не чувствовалось.

Дамбу на Пумьем озере охраняли вооруженные часовые: двое по концам, один – посередине. Первый приказал мне при въезде закрыть окна. Метрах в ста от дамбы по воде тянулась веревка с пробковыми поплавками, преграждавшая путь лодкам. Других примет военного времени я не заметил.

По голубой воде скользили каноэ, тарахтели моторки и, как разгулявшиеся мальчишки, заходя на крутые виражи и вздымая широкие полосы пены, пижонили быстроходные катера. Девушки в них повизгивали и окунали руки в воду. Покачиваясь на волнах, там и сям сидели рыбаки, которые заплатили за рыбалку по два доллара и теперь пытались подцепить хоть какую-нибудь рыбешку, чтобы компенсировать затраты.

Шоссе скользнуло вдоль гранитного склона, и впереди открылось луговое разнотравье, где отцветали дикие ирисы, белый и фиолетовый люпин, дубровка, водосбор, мята и пустырник. Высокие красноватые сосны вздымали к безоблачному небу свои вершины. Шоссе снова повернуло к озеру, и пейзаж расцвятился девицами в пляжных сандалиях на толстой подошве, в ярких брючках или с голыми ляжками, с лентами в волосах или в крестьянских косынках. Через дорогу то и дело осторожно переезжали велосипедисты и время от времени с треском проносились возбужденные юнцы на мотороллерах.

В миле от поселка шоссе разветвлялось, в горы уползала дорога поуже. На грубой деревянной доске было написано: «Оленье озерцо — 1 $\frac{3}{4}$ мили». Я свернул. Первую половину пути на склонах кое-где попадались коттеджи, потом они исчезли. Наконец у очень узкого проселка я увидел еще один деревянный указатель: «Оленье озерцо. Частная дорога. Посторонним проезд воспрещен».

Я повернул туда «крайслер» и пополз в тишине, объезжая огромные гранитные глыбы, мимо небольшого водопада, сквозь лабиринт черных дубов, буков и зарослей толокнянки. На ветке пронзительно свистнула сойка, потом на меня заверещала белка, зло стукнув лапкой по сосновой шишке. Дятел с алой грудкой бросил долбить кору, глянул на меня бусинкой глаза, затем перескочил на другую сторону ствола и глянул второй бусинкой. Я подъехал к воротам из пяти

перекладин, где висела последняя вывеска.

За воротами дорога покрутилась еще с сотню ярдов, и внезапно между деревьями, травой и скалами блеснуло небольшое овальное озеро, похожее на каплю росы в ложбинке зеленого листа. У ближнего края его пересекала грубая бетонная плотина с веревочными перилами поверху и старым мельничным колесом сбоку. Рядом был домик из неотесанной сосны.

На противоположной стороне – длинным путем по дороге, коротким через плотину – у воды стоял большой коттедж из красного мамонтового дерева, а дальше, на солидном расстоянии друг от друга, виднелись еще два коттеджа. Все три были заперты, с занавешенными окнами и имели заброшенный вид. На стеклах первого коттеджа висели оранжево-желтые жалюзи, на воду смотрела застекленная веранда из двенадцати рам.

У дальнего конца озера виднелось что-то похожее на маленький пирс и рядом – дощатый павильон для оркестра. На павильоне висел иссохший деревянный щит с надписью большими белыми буквами: «Пристань Килкаре». Не найдя смысла в подобной надписи в подобном месте, я вышел из машины и стал спускаться к ближнему дому. Где-то позади него ухал топор.

Я забарабанил в дверь. Стук топора прекратился, и до меня долетел громкий голос. Я присел на камень и закурил. Послышались шаги – шаркающие, неровные, – и из-за угла

показался человек с грубым, обветренным лицом. В руке он держал топор.

Невысокий и очень плотный, этот человек хромал – при каждом шаге он подкидывал негнушуюся правую ногу и тащил ее по кругу. Подбородок его покрывала темная щетина, голубые глаза смотрели спокойно, а давно не стриженные седые волосы падали на уши. На нем были синие хлопчатобумажные штаны и синяя рубашка, открытая на мускулистой загорелой шее. Из уголка губ свешивалась сигарета.

– Вам чего? – спросил он хриплым голосом. Выговор был не местный.

– Мистер Билл Чесс?

– Он самый.

Я встал, вынул из кармана записку Кингсли и протянул ему. Он искоса глянул на нее, тяжело захромал к дому и вернулся с очками на носу. Внимательно прочтя записку два раза, он убрал ее в карман рубахи, застегнул пуговицу и протянул мне руку.

– Рад познакомиться, мистер Марлоу.

Мы обменялись рукопожатием. Ладонь у него была шершавая, как рашпиль. Спокойно оглядев меня, он ткнул пальцем в сторону дальнего берега:

– Желаете осмотреть коттедж? Что ж, с удовольствием покажу. Он что, собрался его продавать?

– Чем черт не шутит, – сказал я. – В Калифорнии все продается и покупается.

– Что точно, то точно. А коттедж вон тот, из мамонтового дерева. Изнутри обшит сосной, крыша крепкая, фундамент и крыльцо каменные. Есть ванная с душем, на всех окнах жалюзи, большой камин, в хозяйской спальне стоит печка – очень нужная вещь весной и осенью, а кухонную плиту можно топить хоть мазутом, хоть дровами. Все самого лучшего качества. Обошелся в восемь тысяч – для коттеджа в горах деньги немалые. И еще свой собственный резервуар для воды, повыше в горах.

– А электричество и телефон? – спросил я из вежливости.

– Электричество, понятное дело, есть. А телефона нет. Сейчас с этим трудно. Да и подвести линию обойдется недешево.

Он смотрел на меня спокойными голубыми глазами, а я смотрел на него. Лицо задубевшее, и ясно, что не дурак выпить: сквозь чуть припухшую, лоснящуюся кожу проступают вены, глаза поблескивают.

– Кто тут сейчас живет? – спросил я.

– Никого нет. Была миссис Кингсли, да несколько недель как уехала. В любое время может вернуться. Он вам разве не сказал?

Я сделал круглые глаза:

– Она что, перейдет к новому владельцу вместе с коттеджем?

Чесс было нахмурился, но тут же откинул голову и захохотал. Хохот этот, напоминающий выхлопы только что заве-

денного трактора, начисто взорвал лесную тишину.

– Вот потеха так потеха, – задыхался он. – Надо же! «Переидет к новому владельцу...» – Он снова расхохотался, но вдруг его губы крепко сжались.

– Да, коттедж что надо, – сказал он, подозрительно при-
сматриваясь ко мне.

– Кровати удобные? – спросил я.

Он наклонился вперед и улыбнулся:

– Захотелось в морду?

Я открыл от удивления рот.

– Видно, я туго соображаю, – сказал я. – Ничего не понял.

– Откуда мне знать, какие там кровати? – вызверился он и чуть наклонился вперед, чтобы в случае нужды достать меня прямым правой.

– Могли бы и поинтересоваться, – сказал я. – Но настаивать не буду. Проверю сам.

– Вот и проверяйте, – сказал он с обидой. – Думаете, мне трудно распознать ищейку? Играл с ними в догонялочки по всей Америке. Пропадите вы все пропадом! И к черту Кингсли! Нанял, видишь ли, ищейку – не разгуливает ли кто по его спальне в пижаме. Пусть у меня сухая нога и все такое, но что до женщин, то их у меня было...

Я успокаивающе протянул к нему руку, хоть и опасался, что он выдернет ее из плеча и закинет в озеро.

– На этот раз не угадали, – сказал я. – Я приехал вовсе не для того, чтобы заниматься вашими амурными похождения-

ми. Миссис Кингсли я вообще ни разу не видел. А с Кингсли познакомился только сегодня утром. Какая муха вас укусила?

Он на секунду зажмурился и яростно провел тыльной стороной ладони по губам, будто хотел причинить себе боль. Затем поднес руку к глазам, крепко сжал в кулак, раскрыл и уставился на пальцы. Пальцы слегка дрожали.

– Извините, мистер Марлоу, – медленно произнес он. – Вчера я здорово перебрал. Голова трещит, как у сапожника. Целый месяц торчу один, сам с собой уже разговариваю. Да и неприятности.

– Пара глотков поможет?

Его глаза впились мне в лицо и заблестели.

– А у вас есть?

Я вытащил из кармана плоскую бутылку виски и повернул ее так, чтобы он увидел зеленую наклейку на колпачке.

– Я не заслужил. Видит Бог, не заслужил. Обождите, принесу стаканы. А может, пойдем в дом?

– Лучше здесь. Больно уж вид хорош.

Волоча ногу, Билл Чесс исчез в доме, вернулся с парой стопок и сел на камень рядом со мной. От него несло потом.

Я свернул металлический колпачок, налил Биллу хорошую порцию и немного плеснул себе. Мы чокнулись и выпили. Он покатал виски во рту, и лицо его осветилось печальной улыбкой.

– Хороша штука, – сказал он. – Не знаю, что на меня на-

шло. Видно, от одиночества. Ни приятелей, ни друзей, ни жены. Тоска! – Он помолчал и добавил, искоса глянув на меня: – Особенно трудно без жены.

Я не сводил глаз с небольшого голубого озера. У нависающей над водой скалы плеснула в луче солнца рыба, и по воде разбежались круги. Легкий ветерок прошелся по вершинам сосен, и они зашелестели, словно волны.

– Она меня бросила, – сказал он медленно. – Месяц назад. В пятницу, двенадцатого июня. Этого дня мне никогда не забыть.

Я насторожился и налил ему еще виски. Двенадцатого июня Кристл Кингсли должна была приехать на вечеринку в город.

– Но зачем вам все это? – сказал он, хотя в его выцветших голубых глазах явно чувствовалось желание выговориться.

– Конечно, это не мое дело, – сказал я. – Но если вам станет легче...

Он резко мотнул головой:

– Бывает, два незнакомых человека встретятся на лавочке в парке и вдруг заводят беседу о Боге. Замечали? А с лучшими друзьями так не получается.

– Конечно, – сказал я.

Он выпил и уставился на озеро.

– Она у меня славная девочка, – сказал он мягко. – Иногда резка на язык, но все равно славная. Мы полюбили друг друга с первого взгляда. Познакомились в кабаке в Риверсайде.

Не особо подходящее место для такой девушки, но что было, то было. И поженились. Я ее любил, понимал, что мне повезло. А вел себя как подонок.

Я слегка шевельнулся, чтобы напомнить о себе, но не сказал ни слова: боялся сбить настроение. Виски в моей руке оставался нетронутым. Я не прочь выпить, но не тогда, когда заменяю исповедника.

– Но в браке всегда так, – продолжал он. – В любом браке. Проходит время, и человеку, обычному грешному человеку вроде меня подавай чего-нибудь новенькое, свеженькое. Паскудство, конечно, но такова жизнь.

Он взглянул на меня, и я подтвердил, что такие мысли мне знакомы.

Он залпом осушил вторую порцию, и я отдал ему бутылку. Вверх по сосне скакала сойка. Без остановки, не раскрывая крыльев, она перепрыгивала с ветки на ветку.

– Так вот, – продолжал Билл Чесс. – Все, кто живет здесь в горах, явно полоумные, да и я уже не лучше. Мне бы жить и жить: за дом не плачу, пенсия хорошая, половину скопленных денег вложил в военные займы, женат на женщине любого-дорого посмотреть. Но я уже стал психом, и сам не заметил. Польстился на... – Он махнул рукой в сторону большого коттеджа, который в лучах заходящего солнца был красным, как бычья кровь. – Прямо здесь, чуть ли не под окнами. И польстился-то на расфуфыренную шлюху, которая нужна мне, как прошлогодний снег. Придурок!

Он выпил третью стопку и поставил фляжку на камень. Потом выудил из кармана рубашки сигарету, чиркнул спичкой о ноготь большого пальца и начал быстро и глубоко затягиваться. Я старался не дышать, словно взломщик за портьерами.

— Черт! — сказал он наконец. — Если уж бес в ребро, то хоть уйди подальше от дома или, на крайний случай, найди себе какую-нибудь кралю, не похожую на жену. Так нет. Эта стерва тоже блондинистая, того же роста, даже глаза у них почти одинаковые. А в остальном — земля и небо. Нет, хорошенькая, ничего не скажешь, но не лучше Мьюриел, а по мне, так вообще дерьмо. Жгу я, значит, в то утро мусор у них во дворе и ни к кому не лезу. А она выходит из черного хода в прозрачном халатике, аж соски видать, и лениво так говорит: «Не желаете ли выпить, Билл? Грех вкалывать в такое утро». А кто выпить откажется? Захожу, значит, на кухню, выпиваю, потом еще и еще, и вот я уже в спальне, а глаза у нее прямо-таки...

Он замолчал и мазнул по мне тяжелым взглядом.

— Вы вот спросили, удобные ли там кровати, я и завелся. Конечно, вы ничего такого в виду не имели. Но у меня-то воспоминания. Да, кровать была удобная...

Его последние слова повисли в воздухе. Наступило молчание. Он наклонился, взял с камня бутылку и уставился на нее. В его душе происходила борьба. Виски, как всегда, победил. Он яростно хлебнул прямо из горлышка и крепко за-

крутил крышку, будто это что-то значило. Потом схватил камешек и швырнул в воду.

– Возвращаюсь назад через плотину, – снова начал он, уже тяжело ворочая языком, – и аж свечусь. Все, мол, сойдет мне с рук. Ну и дураки же мы бываем! Ничего не сошло. Ни капельки. Мьюриел даже не повысила голоса, но сказала мне такое, что я про себя и знать не знал. Вот тебе и сошло.

– Она вас, значит, бросила? – спросил я, когда он замолчал.

– В тот же вечер. Меня и дома-то не было. В душу лезла такая гнусь, что без бутылки и не перенести. Взял я, значит, свой «форд», рванул на северную сторону озера и нарезался с парой таких же забулдыг до соплей. Правда, все равно не полегчало. Возвращаюсь в четыре утра, а Мьюриел и след простыл. Собралась и уехала. Пусто, только записка на комоде да кольдкрем на подушке.

Он вытащил из старого, обтрепанного бумажника замусоленный клочок бумаги и протянул мне. На линованной странице из тетрадки было написано карандашом:

Прости, Билл, но лучше умереть, чем жить с тобой дальше.

Мьюриел.

Я вернул бумажку.

– А как с той, со второй? – спросил я, показав глазами на

противоположную сторону.

Билл Чесс поднял плоский камешек и попытался пустить блин по воде, но ничего не получилось.

– А никак, – сказал он. – Тоже собралась и укатила. Тогда же ночью. Больше я ее не видел. И не хочу. А от Мьюриел за весь месяц ни слова. Даже не знаю, что с ней. Наверно, нашла себе парня. Может, хоть он будет относиться к ней по-человечески.

Он встал, вытащил из кармана ключи и позвенел ими.

– Если хотите посмотреть коттедж, пойдемте. Спасибо, что выслушали мое нытье. И за выпивку спасибо. Держите. – Он поднял бутылку с остатками виски и протянул мне.

Мы спустились по склону на узкую плотинку. Билл Чесс шел впереди, волоча ногу и придерживаясь за веревку, продернутую сквозь железные стойки. В одном месте через бетон лениво переплескивалась вода.

– Завтра спущу малость мельничным колесом, – бросил он из-за плеча. – Больше оно ни на что не годится. Киношники построили три года назад. Снимали тут фильм. И маленький пирс в том конце – их работа. Все остальное разобрали и увезли, а пирс и мельничное колесо Кингсли уговорил их оставить. Вроде бы создает атмосферу.

По массивным деревянным ступенькам я поднялся за ним к крыльцу коттеджа. Билл Чесс отпер дверь, и мы вошли в тишину. Закупоренная комната дышала жаром. Просачиваясь сквозь жалюзи, солнце отбрасывало на пол узкие полосы. Гостиная была удлиненной формы и приятно обставлена: индейские коврики, обитая мебель с металлическими уголками, ситцевые занавески, простой деревянный пол, множество ламп, а в углу – встроенный бар с круглыми табуретками. Комната была чистая, аккуратная и совсем не производила впечатления брошенной впопыхах.

Мы прошли в спальни. В двух из них стояло по две кровати, в третьей – большая двуспальная, покрытая кремовым покрывалом с вышитым шерстью узором сливового цвета.

Билл Чесс сказал, что это спальня хозяев. На лакированном столике в коробках из зеленой эмали и нержавеющей стали лежали всевозможные туалетные принадлежности и разная косметика. На нескольких баночках волнисто поблескивали золотые наклейки компании «Гиллерлейн». Вдоль стены тянулись шкафы с раздвижными дверями. Я заглянул в один. Он был набит женскими платьями, какие обычно носят на курортах. Билл Чесс мрачно наблюдал, как я их перебираю. Закрыв двери, я выдвинул обувной ящик вниз. Там валялось с полдюжины новых туфель. Я задвинул его и выпрямился.

Билл Чесс стоял уже совсем рядом, выпятив подбородок и уперев крепкие жилистые руки в бедра.

– С какой это стати вы копаетесь в женских тряпках? – спросил он зло.

– Есть причины, – ответил я. – Уехав отсюда, миссис Кингсли не вернулась домой. Муж ее больше не видел и ничего о ней не знает.

Он опустил руки вдоль тела и сжал кулаки.

– Точно, легавый, – зарычал он. – Первая догадка всегда верная. А я уж подумал, что ошибся. Надо же так опростоволоситься. Чего только не наболтал. Поплакался в жилетку, придурок чертов.

– Я умею хранить секреты, – сказал я и, обойдя его, направился в кухню.

Там была большая зеленая с белым печка, сосновая раковина с эмалевым верхом, электрический титан, а за перего-

родкой – веселенькая столовая с кучей окон и дорогой пластиковой мебелью. На полках стояли разноцветные тарелки, чашки и набор металлических подносов.

Порядок всюду – безупречный: ни одной грязной чашки или тарелки, ни одной недомытой рюмки или пустой бутылки, ни одной мухи или муравья. Какой бы шальной образ жизни ни вела миссис Кингсли, богемного беспорядка за собой она не оставляла.

Я вышел через гостиную на крыльцо и подождал, пока Билл Чесс запрет дверь. Кончив возиться с замком, он кинул на меня злой взгляд.

– Я не просил вас раскрывать душу, – сказал я, – но и оставивать не хотел. Кингсли необязательно знать про проделку своей супруги, если, конечно, за всем этим не стоит что-то более серьезное.

– Черт вас дери! – буркнул он с тем же злым видом.

– Ладно, пусть дерет. А не может быть, что ваши с Кингсли жены удрали отсюда вместе?

– Не понял.

– Когда вы поехали топить горе в вине, они, положим, поругались, помирились, поплакали на груди друг у друга, и миссис Кингсли взяла вашу жену с собой. У нее же, наверно, была здесь машина?

Идея эта казалась мне глупой, но он отнесся к ней всерьез.

– Нет. Ни на чьей груди Мьюриел плакать не станет. Не такой человек. А уж если и поплачет, то не в компании с этой

шлюхой. Потом, у нее свой «форд». Мой ей водить трудно – из-за ноги там переделано управление.

– Это я так. Ляпнул, не подумав.

– На то и голова, чтобы думать.

– Для человека, который исповедуется перед первым встречным, больно уж вы обидчивы.

Он сделал шаг в мою сторону:

– Может, вам еще чего не по душе?

– Слушайте, приятель, – сказал я, – мне ужасно хочется относиться к вам хорошо. Так помогите хоть малость.

Он тяжело задышал, затем беспомощно развел руками и уронил их.

– И правда. Только и делаю, что порчу кому-то настроение. – Он вздохнул. – Хотите пройти вокруг озера?

– Хочу. А ваша нога выдержит?

– Не впервой.

Дружно, как наигравшиеся щенята, мы пошли рядом. Надолго ли этот мир? Дорога, как раз в ширину машины, вилась над водой между большими скалами. Посередине пути на скальном фундаменте стоял коттедж поменьше. Третий виднелся у конца озера, на клочке почти ровной земли. Оба были заколочены и казались давно заброшенными.

Через минуту-другую Билл Чесс спросил:

– Это правда, что Кристл сбежала?

– Похоже на то.

– Вы настоящий полицейский или так, частная ищейка?

– Частная.

– Она уехала одна или с кем-то?

– Думаю, что с кем-то.

– Ясное дело. Кингсли мог бы догадаться, что этим дело и кончится. Дружки у нее не переводились.

– Здесь?

Он не ответил.

– А некоего Лейвери среди них не было?

– Откуда мне знать?

– По поводу этого Лейвери никаких секретов нет, – сказал я. – Она дала телеграмму из Эль-Пасо, что отправляется с ним в Мексику.

Я вытащил из кармана телеграмму и протянул ему. Он нацепил очки и остановился, чтобы прочесть ее. Потом отдал мне бланк, спрятал очки и засмотрелся на голубую воду.

– Так что темнить нет смысла, – добавил я. – Никого вы не подведете.

– Один раз он приезжал.

– Он и сам признает, что встречался с ней месяца два назад. Может быть, и здесь. Но уверяет, что больше не видел. Вот мы и не знаем, верить ему или нет. Никаких оснований ни для того, ни для другого.

– Значит, сейчас она не с ним?

– Так он утверждает.

– По-моему, она не из тех, кого волнует такая чепуха, как брак, – сказал он трезво. – Медовый месячишко без реги-

страции, кажется, больше бы ее устроил.

– А если без «кажется»? Что вы знаете точно? Вы видели, как она уезжала? Или, может быть, что слышали?

– Нет, ничего не знаю. Да и знал бы – не сказал. Может, я и мерзавец, но не до такой степени.

– И на том спасибо, – сказал я.

– Не стоит благодарности. К черту и вас, и всех шпииков на свете.

– Опять полез в бутылку, – вздохнул я.

Мы дошли до конца озера. Я оставил Билла на дороге и спустился к пирсу. Прислонившись там к деревянным перилам, я увидел, что оркестровый павильон – всего лишь декорация: две перегородки, поставленные под прямым углом и перекрытые куском крыши шириной не более двух футов. Билл Чесс тоже спустился вниз и склонился у перил над водой.

– А за выпивку спасибо, – сказал он.

– Не стоит. Рыба тут водится?

– Немного старых форелей. Ужасные шельмы. А молодежи нет. Сам я рыбу не ловлю. Извините, что снова завелся.

Я ухмыльнулся, тоже положил локти на перила и уставился в глубокую спокойную воду. Отсюда она казалась зеленой. Внезапно в глубине что-то крутанулось и промелькнуло зеленоватой стрелой.

– Это папаша, – объяснил Билл. – Только гляньте, какой здоровенный. Разъелся, шельма, и ни капли не стыдно.

Внизу под водой виднелось что-то похожее на настил. Зачем он тут, я не понимал и спросил Билла.

– До того как построили плотину, здесь стоял старый причал. Потом вода поднялась, и он оказался на глубине в шесть футов.

Недалеко от нас к столбику была привязана потертой веревкой плоскодонка. Она лежала на воде, почти не покачиваясь. Воздух пронизывало солнце, и было тихо, покойно, как никогда не бывает в городах. Я мог бы стоять так часами, просто стоять, забыв о Дерасе Кингсли, о Кристл и ее любовниках.

Вдруг Билл вздрогнул и зарокотал, словно высокогорный гром:

– Смотрите сюда!

Его крепкие пальцы впились мне в руку с такой силой, что я чуть не взвился. Низко свесив голову через перила, он как безумный вглядывался в воду, и лицо его, насколько позволял загар, побледнело. Я тоже уставился вниз.

Под смутно зеленеющими в глубине досками что-то лениво колыхнулось, замерло, снова колыхнулось, исчезло.

Это «что-то» очень напоминало человеческую руку.

Билл Чесс напряженно выпрямил спину, повернулся и захромал по пирсу к берегу. Там он нагнулся над кучей камней, обхватил какой покрупнее и поднял на грудь. Когда он шел назад, до меня донеслось тяжелое дыхание – камень весил около сотни фунтов. Жилы на крепкой загорелой шее

вздулись и стали похожи на канаты, зубы были крепко стиснуты, и сквозь них со свистом вырывалось дыхание.

У конца причала Билл остановился и, широко расставив ноги, поднял камень над головой. Потом на секунду замер и опустил глаза, прицеливаясь. Из горла у него вырвался какой-то горестный стон, тело уперлось в подрагивающие перила, и тяжелый камень ухнул в воду.

Нас обоих обдало брызгами. Камень был брошен метко и ударил по краю подводной доски почти точно в том месте, где колыхнулась рука.

Мгновение вода бурлила, затем круги разошлись, успокоились, оставив только кипящие пузырьки в центре. Донесся глухой треск лопнувшего дерева, звук, который, казалось, должен был раздаться значительно раньше. Внезапно на поверхность вынырнул расщепленный конец гнилой доски и, шлепнув по воде, поплыл в сторону.

Глубины снова прояснились. В них шевелилось что-то явно не похожее на доску. Продолговатое, темное, оно, лениво покручиваясь, медленно и с полным равнодушием поднималось вверх. На поверхность оно всплыло как-то неспешно, тихо, легко. Я увидел кожаную курточку, черную намокшую кофту, брюки. Потом мелькнули туфли, а между ними и манжетами брюк тошнотворно выпирала плоть. Вдруг по воде широко растеклась копна светлых волос, замерла на мгновение, словно хотела произвести впечатление, и снова сплелась в клубок.

Тело перевернулось еще раз, и над водой показалась рука с уродливо распухшими пальцами. Наконец появилось и лицо, вздутая серовато-белая масса – без носа, без глаз, без губ. Кусок теста, кошмар с человеческими волосами.

Вспухшую шею давило массивное ожерелье из больших, грубо выделанных зеленых камней, соединенных поблескивающим металлом.

Билл Чесс вцепился в перила так, что побелели костяшки пальцев.

– Мьюриел! – хрипло выдохнул он. – Господи, это же Мьюриел!

Его голос, казалось, шел издалека, из-за густого тихого леса на горе.

За окном дощатой хибары виднелись сложенные на стойке пыльные папки. На стекле вверху двери было выведено облезшими черными буквами: «Начальник полиции. Начальник пожарной охраны. Городской констебль. Торговая палата». К нижнему краю стекла лепились эмблемы Красного Креста и фирмы бытового обслуживания.

Я вошел внутрь. В одном углу стояла пузатая печка, в другом, уже за стойкой, – стол. На стене висела большая синька карты округа, рядом с ней – доска с четырьмя крюками, на одном из которых пылилась много раз латанная клетчатая куртка. На стойке рядом с папками лежали обычные в таком месте самописка, старый журнал приводов и замызганная бутылочка чернил. Стена рядом со столом пестрела номерами телефонов, написанными детским почерком с таким нажимом, что цифры навечно врезались в дерево.

В деревянном кресле с приколоченными к двум доскам – как к лыжам – ножками сидел крупный человек. К правой ноге он прислонил плевательницу, куда мог бы спокойно влезть целый пожарный шланг. На макушке у него торчала ковбойская шляпа в пятнах пота, а безволосые руки были удобно сложены на толстом животе чуть повыше пояса потертых брюк. Рубашка, как и брюки, была цвета хаки, только еще более выгоревшая и застегнутая на толстой шее.

Галстуков он, видимо, не признавал. Его каштановые волосы чуть отливали сединой, а на висках желтели, как подтаявший снег. Сидел он, перевалившись на левую ягодицу, так как у правой торчала кобура, из которой в крепкую спину врезалась рукоятка пистолета сорок пятого калибра. Один из уголков шерифской звезды на левой стороне груди был погнут.

Еще у него были большие уши и добродушные глаза. Он что-то неспешно жевал и выглядел не опаснее белки, только не таким нервным. Мне он понравился. Я облокотился о стойку и уставился на него. Он тоже уставился на меня, потом кивнул и выплюнул в плевательницу с полстакана табачного сока. В плевательнице мерзко булькнуло.

Я закурил и поглядел вокруг в поисках пепельницы.

– Для этого есть пол, сынок, – добродушно посоветовал он.

– Вы Паттон, здешний шериф?

– Угу. Констебль и помощник шерифа? Весь закон и правопорядок в здешних краях – это один я. Только скоро выборы, а у меня тут парочка конкурентов. Ребята хорошие и могут победить. Жаль! Платят-то восемьдесят долларов в месяц, плюс бесплатное жилье, дрова и электричество. Не пустяк в нашем захолустье.

– Ничего этим ребятам не светит. У вас скоро будет хорошая реклама.

– Как это? – равнодушно спросил он и снова выстрелил в

плевательницу струей сока.

– На Оленье озерцо ваши полномочия распространяются?

– Участок Кингсли? Само собой. А что там?

– В озере нашли мертвую женщину.

Сообщение потрясло его до глубины души. Он даже расцепил руки и почесал ухо. Потом уперся в кресло, встал и ловко отодвинул его ногой. Паттон оказался не только крупным, но и крепким. Жирок был лишь видимостью, аурой добродушия.

– Я ее знаю? – скованно спросил он.

– Думаю, знаете. Мьюриел Чесс. Жена Билла.

– Угу. Чессов я знаю. – Голос его посуровел.

– Похоже на самоубийство. Она оставила записку, в которой вроде бы говорится про отъезд. Но можно понять и как намерение кончить с собой. Вид у тела страшный – судя по всему, пролежало в воде около месяца.

Он почесал второе ухо.

– «Судя по всему»? Что вы имеете в виду? – Его глаза спокойно, неторопливо изучали мое лицо. Поднимать панику он не спешил.

– Месяц назад они поссорились. Билл уехал на несколько часов к северному берегу. А когда вернулся, жены уже не было. Больше он о ней не слышал.

– Ясно. Кто ты, сынок?

– Зовут Филип Марлоу. Приехал из Лос-Анджелеса посмотреть участок. Передал Биллу Чессу записку от Кингсли.

Когда Билл вел меня вокруг озера, мы спустились на пирс, что построили киношники. Стоим у перил, смотрим на воду и вдруг видим: из-под старого затопленного причала высывается что-то, похожее на руку. Билл ухнул вниз тяжелый камень, и тело всплыло.

На лице Паттона не дрогнул ни один мускул.

– Послушайте, шериф, нам бы побыстрее туда поехать. Билл один и почти сбрендил.

– Виски у него есть?

– Совсем мало. У меня была с собой фляжка, но мы за разговорами почти все выпили.

Подойдя к столу, Паттон открыл ключом ящик, извлек три-четыре бутылки и по очереди поднес их к свету.

– Почти полная, – похлопал он по одной. – «Маунт Вернон». Это его оживит. Денег на виски для всяких крайних случаев округ мне не отпускает, так что приходится ухватывать то тут, то там. Сам я не пью. И никогда не мог понять, для чего люди накачиваются.

Он впихнул бутылку в левый карман брюк, запер ящик и поднял откидную доску в стойке. Когда мы выходили, он сунул за стекло дверей записку. Я ее прочел: «Вернусь через двадцать минут, а может, и нет».

– Надо съездить за доком Холлисом, – сказал он. – По дороге назад заберу вас. Это чья машина?

– Моя.

– Тогда трогайте за мной.

Он залез в полицейскую машину с сиреной, двумя прожекторами, двумя мигалками, красной с белым пожарной доской и еще новой сиреной воздушной тревоги. На заднем сиденье валялись три топора, два мотка толстой веревки и огнетушитель, к подножке были прикреплены запасные канистры для бензина и воды, а к задку – запасная шина. Из продранных сидений торчали грязные комки ваты, а облезлый лак верха покрывал толстый слой пыли. В правом нижнем углу ветрового стекла торчал белый лист с печатными буквами: «ИЗБИРАТЕЛИ, ВНИМАНИЕ! ПЕРЕИЗБЕРИТЕ ДЖИМА ПАТТОНА КОНСТЕБЛЕМ. ЕМУ УЖЕ ПОЗДНО УСТРАИВАТЬСЯ НА РАБОТУ».

Паттон развернул машину и, поднимая белый шлейф пыли, покатыл по улице.

Остановился он у белого каркасного строения напротив автобусной станции, вошел внутрь и вскоре появился с каким-то человеком, забравшимся на заднее сиденье к топорам и веревке. Машина тронула назад, и я пристроился вслед. Некоторое время мы еле тащились по променаду – сквозь брючки, шорты, матроски, пестрые платочки, острые коленки и ярко-красные губы. За поселком машины вползли на пыльный холм и остановились у какой-то хибары. Паттон тихонько нажал на сирену. Дверь открыл парень в выгоревшем синем комбинезоне.

– Залезай, Энди. Дело.

Парень в комбинезоне угрюмо кивнул и нырнул обратно внутрь. Вышел он уже в мышиного цвета охотничьей шапochке, и Паттон подвинулся, освобождая место за рулем. Парень был лет тридцати, темный, гибкий и казался, как это обычно бывает с индейцами или полукровками, чуть недомытым и чуть недокормленным.

Пока мы ехали к Оленьему озерцу, я наглotalся пыли, хоть выплевывай готовые куличи. У ворот с пятью перекладинами Паттон вышел, открыл нам, и мы подъехали к озеру. Там он спустился к воде и посмотрел в сторону пирса. Голый Билл сидел на настиле, спрятав лицо в ладони. Рядом на мокрых досках что-то лежало.

– Можно подъехать и поближе, – сказал Паттон.

Обе машины двинулись к концу озера, и мы все вчетвером спустились к причалу, где лицом к воде сидел Чесс. Доктор остановился и, прижав к губам платок, мучительно раскашлялся, а потом долго его рассматривал. Он был костлявый, с выпученными глазами и печальным землистым лицом.

На досках лицом вниз и с веревкой под мышками лежало тело. С другой стороны валялась одежда Билла. Больную ногу со шрамами на колене он вытянул перед собой, другую согнул и уткнулся в нее подбородком. Когда мы подошли, он не шевельнулся и не поднял глаз.

Паттон вытащил из кармана бутылку «Маунт Вернон», отвинтил крышку и протянул ему:

– Глотни хорошенько, Билл.

В воздухе стояла ужасная, тошнотворная вонь. Ни Билл, ни Паттон, ни доктор, казалось, не замечали ее. Парень по имени Энди вытащил из машины пыльное коричневое одеяло и накинул на труп. Потом молча отошел к сосне, и его стошнило.

Билл глотнул из горлышка, упер бутылку в согнутое колено и, не глядя ни на кого, ни к кому в частности не обращаясь, ровным, мертвым голосом заговорил. Он рассказал о ссоре, о том, что случилось после, но о причине ссоры умолчал. Миссис Кингсли он даже не упомянул. Еще он рассказал, что после моего отъезда нашел веревку, разделся и выволок тело на берег. Потом взвалил его на спину и перенес

на причал. Зачем – он не знает. Потом опять полез в воду. Причина нам была уже понятна.

Паттон сунул в рот порцию жевательного табака и со спокойным пустым взглядом стал молча жевать. Затем, крепко стиснув зубы, наклонился, снял с тела одеяло и осторожно, словно опасаясь, что оно развалится, перевернул. Позднее солнце сверкнуло на зеленых камнях ожерелья, врезавшегося в распухшую шею. Камни были грубые, неотшлифованные, похожие на стеатит или имитацию нефрита. Застегивалось ожерелье позолоченной застежкой с крошечными бриллиантами. Паттон распрямил широкую спину и высморкался в коричневый носовой платок.

– Что скажете, док?

– О чем? – ворчливо спросил пучеглазый.

– О причине и времени смерти.

– Вы что, полоумный?

– Значит, сказать нечего?

– Просто оглядев тело? Ну, знаете...

Паттон вздохнул.

– Похоже, что утонула, – признал он. – Но точно никогда не скажешь. Были случаи, когда человека сначала закалывали или травили ядом, а уж потом бросали в воду, чтобы спутать следствие.

– И много у вас было таких случаев? – язвительно осведомился доктор.

– Нет. Здесь за все время случилось только одно убийство,

обычное, без хитростей, – сказал Паттон, искоса поглядывая на Билла. – На северном берегу прикончили старика Мичема. Он жил в хибаре у каньона Шида, а летом мыл золото в лощине у Белтопа. Наступает поздняя осень, а его все нет и нет, а потом повалил сильный снег, и крышу его хибары перекосило. Мы поехали ее подправить – решили, что, никому не сказавшись, старик куда-то уехал на зиму. Обычное дело у этих старателей. Так вот, никуда он, значит, не уезжал. Лежит себе в своей постели, а в черепе чуть не по рукоятку топорик. Убийцу мы так и не нашли. Кто-то, видно, решил позаимствовать мешочек с золотом – его летнюю добычу.

Паттон задумчиво глянул на Энди. Тот стоял в своей охотничьей шапке и ковырял в зубах.

– Да знаем мы, кто его кокнул, – сказал Энди. – Гай Поуп и кокнул. Только он помер от воспаления легких за девять дней до того, как мы нашли Мичема.

– За одиннадцать дней, – сказал Паттон.

– За девять, – настаивал парень в охотничьей шапке.

– Шесть лет уже прошло. Будь по-твоему, сынок. А с чего ты взял, что убил его Гай Поуп?

– А с того, что в доме у него, кроме золотого песка, обнаружили три унции мелких самородков. А участок Гая давал только песок. Зато Мичему часто попадалась всякая самородная мелочь.

– Такие вот дела, – сказал Паттон и улыбнулся мне рассеянной улыбкой. – Как человек ни осторожничай, он всегда

даст какую-нибудь промашку.

– Полицейская трепотня! – с отвращением бросил Билл Чесс.

Он натянул брюки и снова сел надеть ботинки и рубашку. Затем поднялся, взял бутылку, как следует хлебнул и осторожно поставил ее на доски.

– Если у вас про меня какие мысли, – сказал он с яростью, вытянув волосатые руки в сторону Паттона, – то давайте наручники и кончайте с этим делом.

Паттон, не обратив на него никакого внимания, подошел к перилам и устался в воду.

– Странное место для трупа, – сказал он. – Течения тут почти никакого, а если и есть, то к плотине.

Билл Чесс опустил руки.

– Она сама утопилась, даже дураку ясно, – тихо сказал он. – Что-что, а плавать Мьюриел умела. Поднырнула под причал и втянула в легкие воду. Больше никак не объяснишь.

– Да нет, можно и по-другому, Билл, – мягко ответил Паттон. Глаза у него были пустые, как новые тарелки.

Энди вдруг затряс головой. Паттон посмотрел на него с насмешливой ухмылкой:

– Что-то опять не так, сынок?

– За девять дней он умер. Точно говорю. Сосчитал, – сказал Энди угрюмо.

Доктор развел руками, схватился за голову и отошел. Он снова покашлял в платок и стал внимательно изучать резуль-

тат.

Паттон подмигнул мне и сплюнул через перила.

– Давай-ка не будем отвлекаться, сынок.

– Вы когда-нибудь затаскивали тело на шесть футов под воду? – спросил Энди.

– Нет, не затаскивал. Но с помощью веревки, думаю, можно.

Энди передернул плечами:

– Если веревкой, то на теле останутся следы. А с такой уликой вообще незачем утруждаться.

– Дело во времени, – сказал Паттон. – Мало ли что надо успеть сделать.

Билл Чесс что-то прорычал и поднял бутылку. Глядя на их серьезные загорелые лица, я даже не мог себе представить, что они думают на самом деле.

– Был, кстати, разговор о какой-то там записке, – рассеянно обронил Паттон.

Билл Чесс покопался в бумажнике и выудил сложенный клочок линованной бумаги. Паттон взял его и стал медленно читать.

– А даты нет, – заметил он.

Билл мрачно склонил голову:

– Точно. Но уехала она месяц назад, двенадцатого июня.

– Она и раньше вроде бы уезжала.

– Да, – уставился на него Билл. – Я тогда напился и заночевал у одной потаскухи. В прошлый декабрь, как раз пе-

ред первым снегом. Мьюриел тогда не было с неделю. Потом явилась как ни в чем не бывало и говорит, что хотела малость развеяться. А жила, мол, у подружки, когда-то вместе работали в Лос-Анджелесе.

– И как эту подружку звали? – спросил Паттон.

– Я не спрашивал. Что Мьюриел ни делала, меня все устраивало.

– Понятно. А в тот раз записку она оставляла?

– Нет.

– Записка-то выглядит малость потертой, – заметил Паттон, складывая ее.

– Таскаю с собой весь месяц, вот и все дела, – окрылся Билл Чесс. – А кто сказал, что она и раньше меня бросала?

– Сейчас уже не вспомнить. Сам знаешь, как бывает в нашей глуши. Люди все замечают. Разве что летом им труднее, когда полно пришедших.

На какое-то время наступило молчание, наконец Паттон рассеянно спросил:

– Значит, уехала двенадцатого июня? Или ты просто решил, что уехала? А кто-нибудь в коттеджах на той стороне был?

Билл Чесс посмотрел на меня, и его лицо снова потемнело:

– Спросите у этого шпики, если он и сам всего не выболтал.

Паттон даже не повернул ко мне голову. Он разглядывал

цепь вершин вдали над озером.

– Мистер Марлоу ничего мне не выбалтывал, – заметил он мягко. – Только сообщил, кого нашли и где нашли. Еще он сообщил, что Мьюриел вроде бы уехала и оставила записку. Ну и что тут плохого?

Снова наступило молчание. Билл Чесс уставился на прикрытый одеялом труп в двух метрах от себя. Он стиснул кулаки, по щеке у него покатилась слеза.

– Была еще миссис Кингсли, но она в тот день тоже уехала. Больше никого. Перрисы и Фаркуары в этом году не появлялись.

Паттон молча кивнул. В воздухе чувствовалась какая-то напряженность, словно что-то, о чем не говорили, было всем ясно и не нуждалось в словах.

Билл Чесс яростно заорал:

– Забирайте меня, сукины дети. Само собой, ее утопил я. Кому еще? Она была моей, и я ее любил. Я – подонок, всегда был подонком и останусь подонком, но все равно я любил эту девочку. Вам не понять, и не пытайтесь. Забирайте, и все, пропади вы пропадом.

Никто не вымолвил ни слова.

Билл Чесс уставился на свой крепкий загорелый кулак, замахнулся и со всей мочи ударил себя по лицу.

– Гнусный подонок, – обругал он сам себя срывающимся шепотом.

Из носу у него медленно потекла кровь. Она сползла к

губе, обогнула рот и повисла на подбородке. Затем лениво капнула на рубаху.

– Вам, конечно, придется поехать с нами, мистер Чесс, чтобы дать показания, – спокойно сказал Паттон. – Сами знаете, так полагается. Никто вас ни в чем не обвиняет, но внизу с вами захотят поговорить.

– Переодеться можно? – мрачно спросил Билл.

– Ясное дело. А ты, Энди, пойди с ним и посмотри, во что можно завернуть труп.

Они ушли тропой вдоль берега. Доктор откашлялся, глянул на воду и вздохнул:

– Хотите повезти тело в моей санитарной машине, Джим? Паттон помотал головой:

– Нет, док. Округ у нас бедный. Представляю, сколько вы сдерете за свою машину. Есть возможность прокатить эту даму дешевле.

Доктор отошел, бросив со злостью через плечо:

– Если надо оплатить похороны, дайте мне знать.

– Ну вот, полез в бутылку, – вздохнул Паттон.

Коричневое здание гостиницы «Индийская голова» высилось на углу против нового танцевального зала. Я остановил машину и прежде, чем отправиться в примыкавший к вестибюлю бар с закусочной, вымыл в туалете руки и лицо, а заодно и вычесал из волос сосновые иголки. Помещение кишело визгливо хохочущими красотками с ярко-красными ногтями и пропахшими вином молодцами в летних курточках. За публикой внимательно присматривал «мэтр» – плотный парень без пиджака с обкусанной сигарой в зубах. У кассы какой-то тусклый блондин ловил военные новости по маленькому приемнику, в котором было не меньше шума и треска, чем воды в картофельном пюре. У дальнего угла блю-грасс-квнтет в лиловых рубашках под плохо сшитыми белыми фраками, вымученно скалясь в табачный дым, пытался своим треньканьем заглушить пьяный гам. В общем, курортный сезон Пумьей Вершины был в самом разгаре.

Я быстро проглотил то, что называлось у них фирменным обедом, залил его сверху коньяком, чтобы не дать вырваться наружу, и вышел на улицу. Было еще светло, но несколько неоновых реклам уже горели; вечер звенел бодрыми автомобильными гудками, детскими воплями, ударами шаров по кеглям, скрипом роликов, веселыми хлопками малокалиберных винтовок в тирах, сумасшедшими завываниями му-

зыкальных автоматов, а поверх всего – лающим ревом катеров, гоняющих без цели по озеру, словно наперегонки со смертью.

В «крайслере» я обнаружил худенькую шатенку с умным лицом и в темных брючках. Она сидела и курила, болтая с хлыщеватым ковбоем, пристроившимся у подножки. Я обошел машину и сел за руль. Ковбой, подтянув джинсы, отошел. Девушка не тронулась с места.

– Меня зовут Берди Кеппел, – бодро начала она. – Днем я работаю в салоне красоты, а вечером в местной газете. Извините, что без спросу забралась в машину.

– Все в порядке. Хотите посидеть или куда-нибудь вас отвезти?

– Давайте отъедем чуть дальше, где нам было бы поспокойнее, мистер Марлоу. Если вы, конечно, не против разговора.

– Слухи у вас тут разносятся с быстротой молнии, – сказал я и завел мотор.

Миновав почту, я доехал до проулка с бело-голубой стрелкой «Телефон», указывающей в сторону озера, свернул, проехал бревенчатый домик переговорного пункта с крошечным палисадником, потом еще один домик и остановился под огромным дубом, раскинувшим ветви далеко за дорогу.

– Тут сойдет, мисс Кеппел?

– Не мисс, а миссис. Но зовите меня просто Берди. Как

все. Да, здесь хорошо. Рада знакомству, мистер Марлоу. Я так понимаю, вы из нечестивого Голливуда?

Она протянула мне крепенькую загорелую ладошку. Пожатие напоминало клещи – видно, натренировалась, втыкая иголки в дряблую плоть клиенток.

– Доктор Холлис рассказал мне о бедняжке Мьюриел Чесс, – сказала она. – Вот я и решила узнать подробности, раз уж вы первым обнаружили тело.

– Первым нашел ее, правда, Билл Чесс. Но я при этом присутствовал. С Джимом Паттоном вы уже говорили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.